

Владимир БЕЗДЕНЕЖНЫХ

ВЕРХНЯЯ ЧАСТЬ

Стихотворения

«КНИГИ»

Нижний Новгород

2013

ББК 84 (2Рос=Рус) 6

БЗ9

*Издание осуществлено при поддержке
Приволжского филиала Государственного
центра современного искусства*

Владимир Безденежных

БЗ9 Верхняя часть: стихотворения – Нижний
Новгород: издательство «Книги», 2013. — 84 с.

Это первая книга нижегородского поэта
Владимира Безденежных.

От его резких, порой вызывающих стихов
веет любовью к городу, где он родился и вырос,
а незаурядный лирический дар позволяет ему
на языке поэзии говорить о самых болезнен-
ных и безотрадных реалиях нашей жизни.

ISBN 978-5-94706-145-1

ББК 84 (2Рос=Рус) 6

© Владимир Безденежных, текст, 2013

© Издательство «КНИГИ», 2013

ПОНИМАЕШЬ ЛИ, РЕКИ ТЕКУТ МЕЖ ОДНИМ И ДРУГИМ ЧЕЛОВЕКОМ...

Этот небольшой внежанровый текст должен занять место предисловия к первой книге поэта Владимира Безденежных. Издается она в пору, когда значение и место книги как таковой, само представление о ней меняется радикально. Электронная форма существования текстов любого рода обретает характер привычной рутины. Фактически уже сегодня чтению с дисплеев отдается предпочтение большинством. Всеядность и общедоступность безбрежной информационной сети WWW отменило понятие тиража. По сути, IT-революция смела все технические препоны на пути от сочинителя к читателю. Книга утратила вещную ипостась, растворяясь во всепоглощающей виртуальности. И это лишь малая черта эпохи фантастических и стремительных перемен, выпавших на долю ныне живущих поколений.

Владимир Безденежных и его ровесники, приближающиеся к 40-летнему рубежу,

представляют срединное из этих поколений, вступающее в пору полной зрелости. Эта генерация формировалась точнёхонько на сломе эпох – сломе социальном, духовном, идейном, технологическом. Драма её не вполне ещё осознана, да она и не завершена. Становление писателя, поэта в эти годы – лишь одна из бесчисленных линий действия.

Но на то и поэт, чтобы честно рефлексировать в одиночку, оставляя на больших временах следы конкретной личности, а не команд, поколений, партий, корпораций. В этом его роль, в этом самая суть художественности. И на этом пути определяющими являются не столько внешние условия, сколько человеческая индивидуальность, личный склад, характер.

У Владимира Безденежных характер есть – и мне довелось исподволь наблюдать за формированием этого характера на протяжении многих лет. Этим же дается и право назвать автора представляемой книги по-свойски – Володей. Признаюсь, мне так проще, поскольку люди, которых мы помним совсем юными, в чем-то для нас так и не взрослеют. Володя, кажется, впрямь сохраняет некий стержень своей натуры совершенно девственным.

Этот стержень я, не мудрствуя, определил бы как неколебимую приверженность добру. Безденежных был воспитан в среде людей оби-

ходно, но неправильно называемых простыми. Именно в этой среде сохранились (до сего ли дня?) ясные и вполне традиционные человеческие ценности. И все же, доброта вряд ли определяется одним воспитанием – это особый душевный дар. Как и открытость, сердечность, до болезненности упрямое стремление быть честным: то есть уберечь честь свою в любых обстоятельствах. И, возможно, самое тяжкое наследие людей подобного склада – совесть, оборачивающаяся зачастую полнейшим бессребреничеством. Эхо родовой фамилии – тому свидетельство.

При всех издержках русской природы, широкой до потери берегов, Безденежных как бы стыдился, стеснялся «играть в поэта». А ведь в юности это так соблазнительно. Тем более, что в годы, о которых уже зашла речь, пресловутый литпроцесс тусовками юной самодеятельной богемы исчерпывался. Востребованность зрелых литературных профессионалов сведена была к полному нулю. Но амбиций молодёжи это не охлаждало – к счастью.

Будучи студентом-гуманитарием, Володя, конечно же, мелькал среди юных сочинителей, но более или менее всерьёз и регулярно сочинять стихи стал, кажется, годам к тридцати. И даже оказался в тренде, как это теперь называют. Впрочем, в силу довольно случайных обстоятельств.

Упоение новообретенной бесцензурностью, фактической вседозволенностью, утратой критики дало многим авторам весьма скромных дарований шанс привлечь к себе внимание новыми степенями дерзости. Дерзость при этом понималась до прискорбья упрощенно. Выражалась она, в основном, активным употреблением ненормативной лексики и обращением к предельно омерзительным, шокирующим реалиям. Ясно, что в абсолютном большинстве случаев выглядело это крайне натужно, искусственно, надуманно.

Но этим же инструментарием Володя Безденежных владел на совершенно другом уровне. Выросший на улицах проблемного, депрессивного района, он его шершавую жизнь постигал буквально кожей. Приспосабливался к ней, сопротивлялся ей – для выживания это было необходимо, но при очерченном выше характере это было и до нестерпимости мучительно. Крик, сбивчивость, форсированная резкость – в этом случае безотчетная реакция на реальность, не всегда адекватная, но всегда честная и понятная по-человечески. Тем же отмечены многие Володины стихотворения. В них много отчаяния. Но нет искусственной деланности, вымысленности. Они достоверны, что впечатляет и печалит одновременно.

Хотя, в последние годы новые тона пробиваются на этом, все-таки, довольно сгущен-

ном фоне. Безденежных, по сути, еще только мужает, взгляд его становится глубже, мудрее, спокойнее. Так мелкие потоки перестают бурлить, становясь большими реками – теми самыми, которые «текут меж одним и другим человеком».

Гадать о будущем поэта, издающего первый сборник – дело неблагодарное. Но вернемся к вопросу о смысле издания полиграфической книги сегодня, когда Интернет обеспечивает несравненно более высокую читаемость. Видимо, книга в своей традиционной форме становится уже не только средством доставки информации. Возможно, её издание обретает новый, символический, рубежный смысл. Это поступок, заявка автора на бесповоротную определенность судьбы, пути. Есть надежда на то, что путь этот будет добрым.

Игорь Чурдалев,
поэт

ГОРОД

Я родился в этом городе, где
Мосты держат реки в узде,
Но они одна в другую
Впиваются на песчаной губе,
Выплескиваясь поцелуем,
Где на червивой горе
Кремль зубастый
Смотрит на игрища рек дуплами башен,
Где овраги, как шрамы,
Город перерубили,
Где портовые краны
Скопом Стрелку забили,
Где заволжские дали
Туманны и величавы
И где с неба кидаются
Крики чаек,
Где встречаются подле
Памятника из меди
По обычаю плотно,
Порой на вынос.
Тело привычно куда-то едет
И, влипая в потный рассвета вырез,
Понимаешь внезапно с улыбкою вялой,
Что весь город вполз под одно одеяло.

1993

РЕКИ

Волга – большая река, но Ока,
Говорят, старше и, видно, мутней.
Выйди на гору ночью –
Цвета топленого молока
Волны несет прочь, и
Чуточку страшно,
Может, из-за огней
Города, пышущих кучей угля,
Над ней –
Звездная пустота.
Невольно выдохнешь:
– Ух ты, глянь,
Экая красота!
Слева – гирлянда моста,
Справа – другая.
Тихо себя ругаю
(Что свойственно захмелевшему человеку):
Эх, голова!
Надо бы в песню сложить слова
Про луну и про реку,
Про ночь, что огнями сочилась,
Про ту, что рядом со мной...
Но пиво кончилось, и песни не получилось.
Надо идти домой...

2003

ИСТЕРИКА

Я устал.
Я в истерике.
Говорю в лоб: «нет»,
Сорвусь.
Из того, что написано в метрике,
Все неправда. Я стар.
Спуск –
и лопнет
шар-голова,
Брызнут везде
Слова,
Просыплются вниз,
Туда, где
Обшарпанное цевье
Прижато к голой ступне.
Замолите свое,
Я вне...

2005

ИТЕРАЦИЯ

Итерация.

Мемы.

Где мы?

Где мы?

Где мы?

X-terra...

Где я?

Tempera pure...

Температура...

Хотя

Возможно,

В мире

Все части

Помножены

На гра-

дус склоненного слова.

Снова

Игра

Сложная,

Масти

Четыре –

Пустяк

В такие дни,
Когда
Вероятен вирус,
Награду вводят подкожно –
Просто приляг,
Усни.
Это несложно,
Просто приснилось.
Это не навсегда.

2005

МОЙ АНГЕЛ

Я не аскет,
Но видел ангела:
Сначала – свет,
Воздух тут задрожал,
И вот он сам – перокрыл, могуч,
А в руке держал
То ли кастет,
То ли альтовый ключ.
Я к нему сквозь радугу слез:
– Пиши на мне
Ноты, что горем выпеты,
Буду гореть,
Людам их петь ни за грош,
А он мне с размаху в нос:
– Чеши, –
Говорит, – отсюда ты,
А не будешь умней
И впредь –
Еще огребешь.

1999

УЧИТЕЛКА

Учителка с косою до попы.
Десятый класс,
Хотелось мне ее потрогать –
Ну просто страсть!

Она такая аппетитная –
Все формы, грудь,
А я был юн и невоспитан.
Такая жуть!

Мы с нею классиков читали
На лит-ре,
А во дворе усугубляли
По литре.

Урок – тургеневские дамы,
Есенин, Блок,
А на уме стакан «Агдама»,
Условный срок.

А иногда и папироска
С анашой.
Последний класс – все было просто
Хорошо.

Я ей цветочки в сочиненьях
Нарисовал,

А вечером шпаной последней
Всегда бывал.

Читал стихи ей, задыхался,
Глядел в глаза,
Но в сквере до крови махался,
Базар-вокзал.

Она оценки мне снижала,
Цветки черкав,
Но не смущался я нимало –
Ведь я был прав!

Я стал студент в университете –
Аристократ!
Ее тогда в музее встретил,
Был очень рад.

Она сама меня узнала.
Сказал: «Учусь».
Меня она поцеловала –
Сама. Клянусь.

2005

МИЗЕР

Ну вот и утро, серый свет,
Ну вот.
И не один мне задолжал ответ
Тот год.
Но что ж, того-то подлеца
Уж не словить.
Теперь начнем опять с конца:
Быть или... быть?
Играем. Выбор не велик.
Сдаю.
Январь. Я снова на мели
И пью.
Давай, линуй-ка в пульку лист,
Сражусь.
По черпаку крови за вист
Скажусь.
Мешает карты невпопад
Сам-третий бес.
Ну как такой тебе расклад?
А интерес?
Судьба – кидала, кровь – вода,
День сер...
Считайте карты, господа –
Мизер!

2006

ВРЕМЯ «Х»

Число «33» похоже, увы, на сраки.
Две и профиль. Такие подходят сроки
В год кровавой (не бешеной ли?) собаки
Можно начать чуть-чуть подводить итоги...

Вот и разменян, так сказать, срок Христа,
Ищешь в себе подобия-сходства черты.
Думаешь: это же веха, рубеж, черта...
Глядь, ан нет нигде ни одной черты.

Так с годом-псом (пограничным?)
я на рубеже,
Куда-то девались бунтарство
и контркультура,
Я меньше курю и чаще сижу в ЖЖ.
Для 33 – это тоже аббревиатура.

Взрослею. Души моей мальчик-инфант
Забился испуганно в дальние закутки.
А лезет оттуда какой-то циничный гад,
Которому хочется врезать, да не с руки...

Вот год собачий со мной. Вместе с ним иду,
И не поймешь, кто тянет за поводок.
Хочется петь и любить, и достать звезду.
А надо найти пожрать и чинить сапог.

Сел потворить – не вымучил и стиха...
А песик все рвется вперед, не дай бог,
отстану.
Такое вот, мальчики-девочки, время «Х»,
Такой вот, братишки-сестренки,
двоичный анус.

2006

ДОМ

Мой старый добрый дом, ты покосился
На улицу, истоптанную мной
Почти до сантиметра, где носился
На «Школьнике», где шлялся со шпаной.
Когда хотел, мне представлялся замком
Твой остов деревянно-засыпной...
...В подъезде дух борща, что варит мамка,
Наваристый – бульон с головизной.

Два этажа и два подъезда с козырьками,
Разбит на восемь маленьких квартир,
С гнилыми стенами, с кривыми косяками,
Подслеповатьем серых окон смотришь
в мир,
Из сил последних сохраняя важность.
А через улицу царит многоэтажность...

Твои форпосты – старые сараи –
Сгорели частью, частью протекли.
Их в детстве мы всегда легко, играя,
Преображали в боевые корабли,
То в космолеты или в острова –
Во все, что мнилось бы в ребячьих головах
После совместной вылазки в кино.
Сараям, впрочем, было все равно.

Они таили множество сокровищ,
И помню восхищение ребенка,
Когда ныряешь внутрь и там находишь
Пустые гильзы, часовые шестеренки
Иль связку из таинственных ключей.
Соседка видела, застучает меня...
– Где взял, сынок?
– Ну, пап! Сарай «ничей»!
И замираешь в ожидании ремня.
А все же это было приключенье!
Ты помнишь, дом?
Имеет ли значенье...

Ты помнишь нашу вишню в палисаде?
Мальцами мы ее без сожаленья
Трясли и гнули, спелых ягод ради,
А лист заваривали в чай или в соленья.
А те черемухи перед окном, где с братом
Из проволоки мы сплели гнездо?
Их нет уже, как нет и палисада,
Теперь под окнами паркуются авто.

А тех ежей, которых мы с дороги
Таскали, молоком поить хотели?
Такие были поначалу недотроги,
А после угощались и пыхтели.
(Они тут жили в темном сквере по соседству
И летом лезли на дорогу греться).

Здесь мы сражались деревянными
мечами:

«Не плачь, задел случайно,
будь мужчиной!»

За ухом – перья, куртки – епанчами,
На шеях – луки из бечевки и лещины;
И, наплевав на треск соседской брани,
Ты выходил опять на поле брани.
Вся героическая утварь удалая:
Кинжалы, шпаги, ружья-пистолеты,
Пугач и кнут цыгана Будулая,
Что мастерилась за каникулы и летом,
(Еще кус магния, селитра и карбид) –
Все сберегалось трепетно для битв.

Теперь твой двор почти зарос.
Детей не слышно и крапива в рост...

Потом мы стали старше – звон гитары,
Влюбленности, мопеды, джинсы, дурь,
Портвейн и дискотеки... Ты же, старый,
Терпел, прощал и, принимая внутрь,
Хранил нас, шалопутных и нетрезвых,
И важно было лишь добраться
до подъезда.

Эх, старикан, ты не судил нас строго
И лишь согласно разуменью своему

Ты нас отправил по своим дорогам:
Кого-то в вуз, кого в Чечню,
кого в тюрьму...

Так разбрелись мы – выросшие дети.
Ты всех нас проводил. И многих встретил.

Теперь я прихожу к тебе нечасто –
Семья, дела, как говорится, «быт и блуд».
Но, слышишь, старичок, тут дело ясно,
Тебя, похоже, все-таки снесут,
Как обещали все последние лет двадцать.
Да нынче, видно, некуда деваться.

Здесь будет новый дом – богаче, выше.
Слышь, не грусти, как нынче грустно мне.
Я обязательно приду прощаться,
слышишь?

И выпью, и поглажу по стене.
И даже, вероятно, не заплачу...

А стекла выну – увезу на дачу.

2006

НА СТИХ

На стих, что таскаешь в душе,
Как карамельку в кармане,
Налипнет, налипло уже,
Неаппетитной дряни
Много. И бросить жаль
Этот комочек приторный,
Но все же, челюсти сжав,
Рисуешь по коже бритвою
Каких-то дорог и карт
Извилистые пути.

Somebody-nobody-art.

Прости.

2007

* * *

Не хватает максимализму.
Вроде бы все по плечу,
Казалось бы, и вышнему клизму
Вставил, а все мельчу...

Я бы сказал: «Эй ты, бородатый,
Когда эту всю дребедень
Творил, ты не был поддатый,
Особенно в крайний день?»

И ну творить как большой художник
Палитрою нескупой.
Хотелось, чтоб вышло красиво,
надежно,
А вышло вот так... Запой.

А в это время в небесные двери
Долбят: тук-тук, кноск-кноск!
Творенья душевные – гады и звери,
И человек-дурак.

Дабы спросить или ответить:
«Зачем все?» и «Что почем?»,
Но только в дворницкой дядя Петя
Позвякивает ключом.

Неколебима горняя стража:
Резервировано. VIP-зал.
А вышний... Вышний еще накажет.
Или уже наказал...

2007

ЗИМНЕЕ

На улицу выглянул – снег.
И холодно. Хо-лод-но!
Артритные сучья кленов-калек
Царапаются в окно.

Зима, черт ее дери,
Морозит и здесь, и вне,
Рисует желтые фонари
Каракулями теней

На сером снегу, стене
Простуженной комнаты.
И день запахнулся, окоченев,
В махровую шаль темноты.

Желания нет начать,
Нет смысла ходить, творить.
Не хочется свет включать,
Не хочется говорить.

Не хочется даже спать.
Душа облачилась в грусть.
Зима началась... твою мать...
Зима началась. Ну и пусть!

2006

ЧЕРНАЯ КОШКА

Черная кошка
Прошла между нами,
Улеглась ко мне на колени:
«Мыырр», –
Лижет руку.
Не страшно и понарошку.
Разными сторонами
Даже в формате лени
Не стать нам. Этот мир
В квартире номер тринадцать
Не поверит стуку
По дереву,
Тем паче плеватьсья
Глупо весьма
За плечо левое,
Раз уж волноглазая ведьма
Дева моя,
Да и я вовсе в это не верю.
Когда двое – одно
И другого нет,
Невозможно зло.
Важно лишь наличие зверя,
Пустое – цвет
И квартировое число.

2007

ОСЕНЬ

Ну ты, это... давай не грусти так.
Это осень все перепутала, летних дней
поистек кредит.

Было жарко и каждый душой наг.
А теперь незакутанное холодит.
Теперь каплет с небес, из голубых глаз.
Ветер хлесткий оплел, как огонь-шляя.
Но сквозь влагу огни – словно блеск страз
От Сваровски или брильянт.
Просто надо согреться. Может, поможет
Вакх?

И раздуть, что внутри оставалось тлеть.
Можно еще тепло поискать в словах
и свернуться калачиком, ждать-терпеть...

2007

НАБЛЮДЕНИЯ & MARGINALIAS

Я ничего не придумал сам,
Мне все, как всегда, подсказали
Какие-то внешние голоса
И поезда на вокзале,
Которые опоздали.
Еще я не верю совсем в чудеса.

marg: ...Живу у вокзала годы последние,
Такая вот атмосфера.
Здесь хмурым пропитаны двадцатилетние
Бодяженным дядей Герой...

И я никогда не творил вотще,
Я лишь наблюдаю из тени,
Подслушиваю, что говорят вообще,
Прикуриваю от тленья
Чужого. Стихотворенья
Бужу от чужих вещей...

marg: ...Я лучший бы мент здесь был –
честный и злой,
Порядка слуга и закона,
Загвоздка – я в доску нестройной,
Хреново хожу в колоннах.

И кто-то чтит клевер, а кто-то мирт,
Кто-то салат из спаржи,

Кто-то жрет ливер, а кто-то жир,
В «очко» бьет, а в «яблочко» мажет.
А я совершаю кражи
Смыслов, впитавших мир...

marg: ...Ну что за дешевые прут понты,
Наплел-навертел узлов,
Какие-то звуки и смыслы... менты!
Да нет, здесь ментом – запаadlo.

Вот вы все живите, а я спою,
Разных слов напишу еще,
Душу не распродам свою –
Может, буду прощен.
Как сладким млеком мой слог сгущен
(шутка). Попал в колею...

marg: ...Эх, суди меня трибунал тройной,
На, вырви мои глаза!

Но то, что впиталось по жизни мной,
Я не все рассказал.

2007

ОДА

Вчера ночью что-то стихи читал,
Томик малый вот так поперек листал
От конца к началу,
Ногой качал,
Сдерживая зевоту,
На начало концов, на конец начал.
Водка грелась, а мозг сгущал –
Мыслям не было укорота.
И в висок мне впивалась строка-праща
И другая вливалась за ней, леча,
Я упился, попеременно хлеща
Строку за строкой и водку.
С утра была рвота,
В башку моча
Била выхлестом гаечного ключа
С полного разворота,
И за стенкой скотина-сосед стучал,
Перфоратором на ухо мне рычал,
Выл стояк от сантехника-трубача
С радостями ремонта.
А потом я ругался и все кричал
На ребенка, которого не зачал,
На жену, которую обличал
В предпочтении мне кого-то.
А потом я мирился, любил, кончал,
Что-то безумное обещал –

Типа, бивни и золото, шелк, парча,
Будет все, а пока – работа.
Не завелся, в движке бараклит свеча,
На автобус, минуя сумбур и чад
Привокзальный, простершего длань
Ильича,
Через мост, через окские воды.
Пробка-тропка-дорога в нагорную часть
Изогнулась под мост завитком калача.
Вот и колокол что-то заблаговещал.
Все, приехал! Встречай, босота!
Сел, включился, по клавишам затрещал...
Как-то проще выходит так – натошак,
Когда брюхо пусто, душа нища,
Но светла – вот тогда свобода.
Что ж так торкнуло, думал, тебя, хлыща,
Пусть другие – талантливые – строчат,
Ты ж страницу уже по обрез натачал,
Самодурную глупую оду.

2007

КРЮК

Я сегодня такой светлый,
Ну и что ж, что блевал
Или тремор рук,
Что с того, что вчера петлю
Я вдевал
В потолочный крюк.

Я сегодня такой крепкий,
Любого порву. Смотри:
Мышцы дыбом,
Всасывает грудная клетка
Дым, пары
Жадно. Я точно глыба!

Я сегодня такой умный.
Нет рефлексий, сомнений –
Всего дерьма.
С мятой рожею гунна
Я гений!
Расколю теорему Ферма.

Я сегодня такой добрый –
Забирайте все разом,
Мне до дыры.
Я улыбчив и собран,
Всем фразу
Говорю: «Будьте добры!»

Я вчера был совсем грустный.
Тужил, скверно было,
Нехорошо.
Утром проснулся и чувствую –
Отпустило.
Все-все черное отошло.

2007

И зрачок отразил цвета неба и моря
и стал голубой,
Но в руке до погибели твердо сжимал
стакан.

И сейчас, когда время, себя провернув
через все виражи
И ножи, валит фарш на палитру,
так болью щемит плечо!
Слева. Слушай, брат, дашь ли мне
на поллитру? Ведь надо жить,
Вспоминать и писать... ни о чем...

2008

СКРИП

Скрип да скрип по бумажке
Перышком из крыла
Того ангела, что всегда спасал.
Скриплю, а кажется,
В три горла
Кричу на разные голоса.
Кричу
Оттого, что горит нутро,
Не знаю, факел там, головня ли,
Но я хочу,
Чтобы это мое перо
Уже к чему-нибудь приравняли.
К просящим ли милостыни перстам,
К кострам ли на площадях орущих,
К похвальным ли, к приказным листам,
К десницам ли, праведно воздающим.
Пусть не на штык, а на пряник, кнут,
Полумесяц, крест или мастерок,
На молот, серп, на тюрьму, суму
Выравнивается перо!
Приравняйте скорее, давно пора!
Приравняйте, сказав к чему,
А то и дальше буду орать
Просто так – ни душе, ни уму.
Так и буду. Смотрите, уже охрип,
Из бунтующих голосов

Мой последний. Но слышно лишь –
скрип да скрип –

Перекатывается колесо

Солнца. Закончен день.

Мгла.

Лишь от пера на бумаге тень,

Словно бы от крыла.

2008

ПОСЛЕ ГРОЗЫ

После грозы тут
Все кажется много ближе.
Позырим на красоту?
На крышу вышли –
Между небом и Волгой,
Синими, как чернила,
Берег одеждой желтой
Солнце накрыло.
Все ясно и четко так,
Как в фокусе: раз, два, три,
Добавляй четвертак,
По триста на рыло бери.
Да, думаю, будет мало,
Неси сразу две лучше,
Да и похолодало –
Вон надвигается туча.

В грозу кажется связь с ближайшим
Теснее, чем между днями,
Сказуемым и подлежащим,
Сцементированными камнями,
Чем между небом и Волгой
Единого синего цвета.
Солнце было недолго,
Зато было все как летом.

2008

* * *

В голубую нырнул лагуну
И беспечно возлег на взморье
Субтропического оттенка

Я бы тоже...

Без дураков.
У воды отыскал лагуну,
В скалах скрытую, где лав-стори
Закрутил бы с аборигенкой...
По утрам бы удил бычков,
Поднимаясь в седую рань и
В глубину погружая лесы,
Скреб бы мидий, лушил рачков,
Что у нас за деликатесы,
А у местных – на цену дряни.

Я бы тоже...

Ходил по пляжу
И по щиколотки в волне –
То отхлынет, а то накатит –
Краснокожий, в одних трусах,
Размышлял о большом и важном:
О дешевом совсем вине,
О восходе и о закате.
Плел бы снасти иль что-то вроде,

Или днями смолил бы лодку,
Шил бы алые паруса,
А пленительная красotka
Дожидалась бы ночью в гроте.

Я бы тоже...

Пел песни ночью
Под гитарные переборы
У костров, расплавшись сердцем
От простых и душевных строчек,
И душа бы взлетала в горы,
А потом возвращалась греться.

Я бы тоже...

Вгрызался в мякоть
фруктов, чтоб по усам текло.

Я бы тоже...

Но дождь и слякоть
За оконным моим стеклом.

2008

В ДЕТСТВЕ В ГОРЬКОМ

В детстве в Горьком ходил под стол.
А на столе наливали по сто
Еще живые дяди и дед.
Потом всей семьей играли в лото
На горсть медяков-монет.

В Горьком в детстве ходил в кино,
Точнее, бегал туда. Оно
Стоило гривенник, и всего пять
Добрых прохожих вруну должно
«На позвонить» дать.

В Горьком в детстве ходил к Оке,
Слетал с Откоса на пляж. В руке
Булка вкусная за три коп
И яблоко, «свистнутое» в ларьке,
После перекусить чтоб.

В детстве в Горьком ходил читать
В библиотеку, не чтобы стать
Умным, а помечтать,
Книгу хорошую – не достать,
Надо в очередь встать.

В Горьком в детстве ходил в пальто,
За братом донашивал, потому что

Отцовские ползарплаты.
Великовато, зато крутой
И взрослый. Пустяк – заплаты.

В детстве в Горьком ходил везде
Один вечерами по темноте
И не боялся, как все пацаны.
Одно тогда только страшило людей –
Лишь не было бы войны!

В Горьком в детстве ходил... ну все,
Хватит тут сопли пускать, щусе-
нок как будто тот, взрослый мудак.
Но «в детстве, в Горьком» произнесешь
И на душе сладко-сладко так.

2009

БАР «ТРОПИКАНА»

На районе в баре «Тропикана»
(Бывший пункт приема стеклотары)
Грязный пол, немывтые стаканы,
Два бильярда порванных и старых.

Здесь за столиками из пластика
Всяко кто-нибудь да нальет,
И в кумарном дыму вечно квасят там
Вперемешку менты и жульё.

И не ясно с кем пьешь ты: с бандитом ли,
Иль экштрэфель* твой служит в ментах,
Потому что затылки все бритые,
В одинаковых с рынка клифтах.

И нерусский бармен в закутке своем
Напивается, молится, плачет:
Гулеванят с размахом менты с жульем,
И ни те, ни другие не платят.

Платят старые местные «kozyри»,
Что вplывают, трясясь с бодуна,
Да в китайских задрипаных кожанках
Жульманы-малолетки, шпана.

* Событьильник (сленг).

Здесь с утра и до ночи галдеж и гам,
Пьют, трут терки, гоняют шары,
Можно запросто выхватить по зубам,
Но бить морды идут во дворы.

Почему «Тропикана», откуда тут?
Здесь же палевый квас, гопота.
Потому, отвечают, так бар зовут,
Что экзотика и красота!

Я не знаю, кто с кем что делили
Или кто что кому не заслал, –
Как-то в ночь «красоту» подпалили,
«Тропикана» сгорела дотла.

Был угар, а осталась лишь только гарь,
Красоты поубавилось в мире.
На районе остался один лишь бар
Под названьем «Шансон» в бывшем тире.

2009

* * *

Хочется повеситься
На рогатом месяце.
Или упокоиться
В ямке за околицей.

Тише, перебесишься,
что ты, успокоишься...

2010

РАНЬШЕ

Раньше все как-то ходили пешком.
Приходишь де-факто сам за дружком
И говоришь: «Брателло,
Поднимай тело,
Нам в магазин привезли портвейн,
Я уже дал пацанам на две
И на «Полет».
Очередь скоро подойдет,
Так что, братан,
Хватай стакан,
После досмотришь сон-то.
Вот в боты влазь-ка!»
(Время, напомним, до эпохи сотовых
И пластика).

И мы шли пешком. И пили-курили,
Обо всем говорили.
Теперь портвейн стал говно,
А хороший дорог.
Мы пьем под сорок
Под наши сорок.
Нам стала матерью суррогатной
Блондинка с улицы Самокатной.
Стаканчик мнется – не тот ограденный,
И судьбы мнутся, кругом обранены.
К друзьям не ходим – все по созвону.

Кто «за баранкой», тем без резону
Пить спозаранку, беду творить,
Куриль помногу и говорить.

Да и о чем о таком поведать?
О наших маленьких, глупых бедах?
О черном хлебе и жидкой каше?
Про что другое и не расскажешь...
Да и зачем вообще встречаться –
Сидят в сетях, понемногу чатятся.
Тут мир волшебный! Зернов и Риц!
А выпить не с кем и покурить...
А мне вот тошно без разговоров.
Портвейн? Да что уж. Берешь за сорок,
С друзьями сядешь, на лица глянешь –
Не распоследняя, вроде, пьянь уж.
Махнешь, нальешь, разговор пошел,
И хорошо-то как, хорошо!

2010

НЕ ВОЙНА

Сцена – жуть:
Глупая пацанва
Глумится над стариком.
Задирают, ржут,
Слова – всего лишь слова,
Не тронули бы рукой,
Не пнули б ногой.
Старичок пьяненький,
Голова седа и больна,
Угощает пряниками внучков,
Он из страны другой,
У него за спиной война.

У него за спиной бои,
Эти мальчики не враги.
Как и те, кто тогда погиб,
Он не слушает их слова,
Хоть жестокие, но свои,
Им еще, может, воевать.

А он бабушку схоронил,
Ту, с которой прожита жизнь,
Съеден соли пуд.
Выпил, пряника откусил,
Голова дрожит и рука дрожит,
И в последний путь

В старый дом к себе,
В старый дом пустой,
Потихонечку доживать,
За холодный стол,
Черствый пряник бед
Поминаючи дожевать.

Пацаны галдят.
Старикан смешной,
Пряник ломаный пацанам
Протянул. «Съехал, что ли, дядь?
Ковыляй домой!»
Не война давно, не война!

2010

ОБЛАКА

Как живется? Да как-то... все хочется пить.
Или пить. И глядеть в облака.
А под вечер приходит не то чтобы смерть,
А смертельная скука-тоска...

Мальчик маленький был и не хочет
взрослеть,
Стать разумным рабочим скотом.
Когда маленький, то даже мысли
про смерть
Не приходят. Приходят потом –

В пору первой большой и несчастной
любви,
В пору первых душевных растрат,
Когда душу начнешь себе ядом травить
И, смакуя, сосешь этот яд.

Вот тогда начинаешь на небо глядеть,
Думать: может, поможет Большой?
Только вряд ли. И тут понимаешь,
что смерть –
Все, что можешь хранить за душой.

2011

ДВОЕЧНИЦА ИВАНОВА

Двоечница Иванова
Учится в восьмом, а должна в десятом.
А хочется ей иного,
Ей снится другой и холодный мир:
Она на большой постели,
Ее красивый вампир
Целует куда-то
До дрожи в теле.

Двоечница Иванова
Следит за ровесницами в десятом,
И в сердце у ней заноза –
Они не хотят поделиться с ней
Секретиками и снами.
А так-то всего важней –
Спят или не спят там
Уже с пацанами.

Двоечница Иванова
Не хочет идти в десятый,
А хочет идти в модели,
Раздеться для глянца и для кино,
Чтоб кончилось детство
В красивом теле,
Пока еще вся
И всё какбэ включено.

Двоечница Иванова
Никогда не будет ходить в десятый.
Она уже пробовала вино,
Еще она пробовала курить,
Решила – уже большая,
И вскоре местные упыри
(Дура пошла со всякими)
Лишили того, чего один раз лишают.

Двоечница мечтала о ночи
Как в фильме «Сумерки»,
А в нее трое кончили
И саму ее кончили из-за сумочки...

2011

* * *

Живем, водку пьем, не тужим,
Не помираем даже,
Но с каждым днем все хуже,
А по утрам все гаже.

Ящик врубай – и в теме,
Впитывай не спеша
Про чехарду в тандеме
Или про кризис в США.

Душная кочегарка,
Липкие, как гудрон,
Новости: олигархи,
Выборы, нефть, ЕДРо.

Эти поборют тех ли –
Ставки не по нутру.
Я бы вообще уехал,
Только я там умру.

Глянешь на облака ты –
Места тебе там нет.
Где твои адвокаты?
Сможешь держать ответ?

Стрелка. Бараки порта.
К храму проход пустой.

Ты заходи в собор-то,
Просто зайди, постой.

С темного дна колодца
Звездочке подмигни...

Ирка стала колоться,
А десять лет ни-ни...

2011

Невзирая на осень, на слякоть,
на холод и дождь,
Невзирая на то, что за шиворот вылились
реки
Обе две. Но стихии иные рулят человеком.

Виден свет недалече. Стихии рулят человеком
Туда, где дают то, что позже поможет
вот это воспеть.
Все течет, это тоже течет, и стихи потекут,
словно реки,
Только б их записать,
чтобы вспомнить наутро, успеть.
А сегодня в гортани Сахара
и только на улице дождь,
Но ты ведаешь точно куда,
почему и зачем ты идешь.

А когда вот возьмешь, то совсем по-другому
идешь —
Обновленным, творцом, демиургом,
большим человеком,
Организму такому не страшен какой-то там
дождь,
Ему надо испить и немедленно что-то воспеть,
Этот город красивый, к примеру.
И надо успеть
Это сделать, пока по колена великие реки.

Да и что вам дались эти грязные,
вспухшие реки?
Вон девчонка без зонта:
– Со мною, малышка, идешь?
Лезь под куртку, согрейся,
нам многое надо успеть!
Хоть один вечерок проведешь с неплохим
и бухим человеком.
Есть желание будущей ночью кого-то воспеть.
Почему не тебя? Ты плачешь?
Нет, вроде бы дождь...

Понимаешь ли, реки текут
меж одним и другим человеком,
Ты по рекам плывешь и по жизни идешь
лишь затем, чтоб кого-то воспеть,
Насладиться успеть красотой,
даже осенью в слякоть и дождь.

2011

ПАЦАНСКОЕ

Донашивать за братом вещи
Я не стремался. И жили проще.
В них мне казался удар порезче,
Прилив какой-то братанской мощи.

А это важно, как за сараем
У школы, полном ломов-лопат,
Тебя объявит в натуре крайним
Парочка крепких вполне ребят.

Стоять опасно, базарить глупо,
По беспределу хотят нагнуть,
Еще мгновенье – и станешь трупом,
А дальше – дальше не ссыкануть,

А дальше в злобе сжимаешь челюсть
И бьешь отчаянно, бьешь везде,
Вертлявый, сука, лови, прицелясь,
Тебе прямого по бороде.

С двоими сложно. Перерубили,
Но одному я разбил табло.
Ногами, впрочем, тогда не били.
Ногой лежачего – запаadlo.

Губа разбита, глаз заплывает –
Не так болело б, я б сам поржал.

Но знает публика дворовая,
Что я не струсил и не сбежал.

Домой прокрадешься тихой сапой
И застываешь, потупя взор...
«Иди-ка, младший, стучи по лапам
И имя братово не позорь»...

2011

ПРО МОЕГО ДЕДА

Мой дед Василий (нет его в живых)
С войны приковылял на деревяшке
И без руки. Заделал пятерых
Детей жене своей и нашей бабке Саше.

Я помню голос. Он записан на
«Романтик-3». Скрипит катушка древней
Магнитной пленки. А на ней война
И голос деда из глухой деревни...

«Мы в окружение попали всем полком
И шли к своим лесами две недели
Почти без провианта. Нелегко:
Крапиву, лебеду и щавель ели.

С боями все же вышли до своих
Десятка три, но выжили хотя бы.
Вот нас – еще с солдатиком – двоих
Послали в лазарет как самых слабых.

И там был врач, вражина из вражин,
Как этот гад затерся среди наших?
Я от недоедания был чуть жив,
А он давал нам в час по ложке каши.

А те, кто вышел с нами из котла,
Едали хлеба вволю, и по самый

Край миски каша жирная текла,
Да к ней законные наркомовские граммы!

Я спрятал нож, чтоб доктора кончать,
В матрас и думал: только бы достало силы,
Чтоб ночью у иудова врача
На тонкой птичьей шее взрезать жилы.

За то, что держит в черном теле нас,
За то, что хлеба не дает и каши,
И я убил бы... но в вечерний час
Вдруг стали привозить солдатов наших,

Тех, что наелись, скрюченных в дугу,
Блюющих, в голос стонущих, смердящих,
И что в бою не удалось врагу,
То сделали тарелки с этой кашей.

Никто-никто не выжил, кроме нас
Двоих – у всех заворотило брюхи.
А доктор знал и нас обоих спас,
Не дав наесться сразу с голодухи»...

Мой дед Василий (царствие ему
Небесное) отдал стране, что мог.
Была война. Чтоб выиграть войну
Стране недоставало рук и ног.

2012

ДОМ 2

Дом так и не снесли. И я в него вернулся.
Не с той, сказать по правде, теплотой,
Как было прежде: снова навернулся
Из эмпиреев. Жил не с той... Не стой!

Иди куда глядят, – тебе сказали.
Иду куда могу, где есть покой и кров,
Где старенький стеллаж суммирует
скрижали,
Которые хранят остатки прежних слов.

Там папа носит вещи от помойки,
Я говорю: «Зачем»? А он:
«Потом поймешь».

И все мои вечерние попойки
Он тоже сносит. Пьешь –
ну пьешь и пьешь...

А дом все скошен, выпали фрагменты.
Сараи – остовы разбитых кораблей –
Собой являют крен и тлен. Там
Хрен поймешь, что там.
И люди стали злей.

Машин полно – вся улица в машинах.
Напротив – новые высокие дома.

Есть подзаянться пацанве: Менты? –
пошли нах!
Наш дом тюрьма? Нет, ваша жизнь –
тюрьма!

Здесь я не жил одно десятилетье.
Здесь все не так и так. Здесь
вездесущий SPAR.
Здесь вовсе, кажется,
я прекращу взрослеть. Я
Не скажу «стареть». Я далеко не стар.

2012

ДЕВОЧКА 2.0

Девочку 2.0 будит ее лучший друг iPhone.
Девочка вспоминает, что практически пуст
«стабфонд».

Девочка прогоняет огненным кофе сон –
Сегодня она снова будет принцессой офиса!

Девочка 2.0 всем превратностям кажет fuck.
Девочка рулит и заезжает в Мак –
Нагеттсы, баночка спрайта
в стареньком Opel Corsa –
Сегодня она королева рерайта на аутсорсе!

Девочка 2.0 копит – зимой на Таиланд.
Девочка 2.0 ни с кем три месяца не была.
Бывший бой-френд сдулся, ушел к другой –
Проще не жить с волшебницей изумрудного го...

Девочка 2.0 без любви с олигархом не стала бы,
впрочем, хотя...
Девочка 2.0 не очень-то любит детей,
но в душе и сама – дитя,
Нежная королева, принцесса, волшебница...
Девочку клонит в сон.
Lullaby в Apple In-Ear поет лучший друг iPhone...

2012

NN

*...сей город ситуацией прекрасен,
но строением мерзок: все либо на
боку лежит, либо близко того.*

Из письма Екатерины II графу
Н.И. Панину, 1767 г.

В этом городе все нелепо и неспроста,
Как хитро выгнутый съезд с моста,
Как набережная, заканчивающаяся
пустырем,
Как чувство, что просто так умрем.

В этом городе каждый заход непрост,
Как высокий загаженный хламом Откос.
А в детстве я мог скатиться на пузе с него
до реки,
Не размотав кишки.

В этом городе многое невпопад и зря:
Косой барабан у храма монастыря.
Стоит Благовещенский
с маковкой набекрень,
И всюду такая хрень.

В этом городе память, как пыль, легка,
Историю чтут от Минина – мясника,

А были Дмитрий с Борисом,
и были еще до них,
Под чем подписался раб Божий
Лаврентий мних.

В этом городе ветер и колокольный звон,
И на плече блестит или набит погон.
Бойся жулья не больше, чем патруля,
На ночь закроют выходы из кремля.

Этот город именовался Горьким
не только лишь потому,
Что усатый здесь рос буревестник
и баламут.
Здесь горчит корневище на уровне спаек,
желез –
Такая «ризوما», прости уж меня, Делез.

В этом городе все действительно неспроста.
«Язык отступает», как-то сказал Батай.
Понятно, что он говорил не о том,
Но и не жил в этом городе непростом.

2012

ШУГИ

Что-то стало на шуги меня пробивать
Не с обкура и не с похмела.
Хочешь, словно дитя, закопаться в кровать
В ожидании ласки-тепла.

Это время такое – пощады не жди,
Свет кончается, рушится всё,
Словно мягкий звереныш пригрелся
в груди
И сосет, и сосет, и сосет.

Вот дурак, к сорока не набрался ума,
И в душе эту жабу душу:
В «Самарканде» беру я юрак ковурма
И водяру глушу под лапшу.

2012

СОНЕТ №2

Ходить тут лучше по двое. Потом
Отвечу, почему. Но вот, недужен,
Бреду один по маслянистым лужам,
Запутавшись в пейзаже непростом:

Индустриальном лабиринте. Стройки,
Являвшие собой минувший пыл,
Который, если здесь когда-то был,
То тихо умер в плановые сроки.

Сквозь эти стройки проросли кусты,
Они заброшены, но вовсе не пусты.
Доперестроечные эти недозданья
В себе скрывают жуткие созданья.
Избегнешь с ними встреч не без труда.
Ходить тут лучше по двое. Всегда.

2013

ВСЁ МОЁ

Не знаю, как пишутся книги. Не знаю и все.
Как текста сливаются части, куски воедино.
Едва ли незнанием этим я буду спасен,
Я все же черкаю в блокноте. Я вижу картины

Из жизни. Они проступают сквозь муть
Сегодняшних дней, как со дна.

Мне не выразить в прозе
Их ясную, главную, сладко-щемящую суть,
Так видную через пласты наслоений,
коррозий

Позднейших: трагических, горьких...

Веселых – ну да!

Бывали, бывали деньки над Окою и Волгой!
Плохое забудется, горькое смоем вода.
Хорошее, доброе, нежное вьестся надолго.

И вот я черкаю в блокноте,

не знаю, к чему.

Зачем так немногим понятные вещи и речи
Хранить, вспоминать, объяснять...

и себе самому?

Но вот почеркал и становится будто бы

легче.

ДАМА С СОБАЧКОЙ

Девочка-пай с болонкой,
Девочка гоу-гоу
Шест обхватила ловко
Этой ногой, другою.
Девочка из Шаранги,
Девочка из Уреня
Сдулась сюда от мамки,
Жизни там нет – сдуреешь.
Раньше то-сё, колхозы,
Пахота, посевная.
Ныне по пуп в навозе
Ходят, балду пинают.
Брошенные избенки,
Косенькие заборы –
Жизни там нет девчонке,
Сдулась оттуда в город.
Девочка на перроне,
Девочка едет в Нижний,
Девочка на пилоне
В клубе в бельишке нижнем.
Латексные ботфорты,
Кожаные корсеты,
Сетчатые колготы...
Нету там жизни! Нету!
Девочка на пилоне,
Кожа горит от блесток,

А из «Вуи Литтона»
Скалится недопесок.
Ей насовали денег –
Лезли в корсет ручищи.
Менеджер звездадельный
Все отберет, но тыщу
Девочка спрячет ловко,
Сунув... а куда надо,
Будут теперь с болонкой
Средства для променада.
В юбочку на булавку,
Дама с собачкой в баре.
Девочка кормит шавку,
Обе всю ночь не спали.
Но и от снов плохих-то
Больше она не плачет,
Девочка пьет мохито,
Платит. Не просит сдачи.

2013

ВЕРХНЯЯ ЧАСТЬ

Дятловы горы. Верхняя часть
Нижнего города. Льются и в пасть
Реки друг друга с засосом.
Это слиянье, соитие рек
Как-то давно описал имярек,
Глядя нетрезвый с откоса.

Игрищам тем на столетия счет,
Так изменяется все и течет
Здесь на краю ойкумены.
Сколько событий и лиц пронеслись,
Нас тоже смоеет, как серую слизь,
Реки теченья не сменят.

Да и глядеть-то тут больше куда?
Ярмарка, Стрелка, большая вода,
Дали заволжские зыбью...
Смотришь с горы, как дурак, сверху вниз:
Как-то не вовремя мы родились –
Раком свистим на безрыбье...

Так и глядишь с высоты, свысока:
В Волгу все так же впадает Ока.
Даже почувствуешь кожей:
Две безразличные эти реки
Как по сравнению с тобой велики
И как ты мал и ничтожен.

Это величие и этот гнет
Только стоявший тут рядом поймет –
Тот, для кого не чужая
Эта картина и эта земля,
Камни тринадцати башен кремля.
Каждый иной – уезжает.

Я остаюсь. Я люблю этот вид.
Я тут стою, и мой город стоит,
И вспоминается мною:
Город не взят был мордвой, татарвой;
С жирной Москвой и дурною главой
Сладим, а реки промоют.

Дятловы горы. Верхняя часть
Жизни недолгой. Тут научась
Волжской медлительной речи,
Я расскажу еще много о чем:
Надвое город Окой рассечен.
Есть часть другая – Заречье.

2013

СОДЕРЖАНИЕ

Понимаешь ли, реки текут меж одним и другим человеком... <i>Предисловие</i> <i>Игоря Чурдалева</i>	3
Город	8
Реки	9
Истерика	10
Итерация	11
Мой ангел	13
Учителька	14
Мизер	16
Время «Х»	17
Дом	19
На стих	23
«Не хватает максимализму...»	24
Зимнее	26
Черная кошка	27
Осень	28
Наблюдения & marginalias	29
Ода	31
Крюк	33
Ни о чем	35
Скрип	37
После грозы	39
«В голубую нырнул лагуну...»	40
Бунт	42

В детстве в Горьком44
Бар «Тропикана»46
«Хочется повеситься...»48
Раньше49
Не война51
Облака53
Двоечница Иванова54
«Живем, водку пьем, не тужим...»56
Секстина58
Пацанское61
Про моего деда63
Дом 265
Девочка 2.067
NN68
Шуги70
Сонет №271
Всё моё72
Дама с собачкой74
Верхняя часть76

Владимир БЕЗДЕНЕЖНЫХ

ВЕРХНЯЯ ЧАСТЬ

Стихотворения

Редактор *Андрей Иудин*
Макет *Арсения Костромина*
Дизайн обложки *Анастасии Кожановой*
Корректор *Ольга Маркичева*

Подписано к печати 15.11.2013.
Бумага 70x90^{1/32}. Гарнитура «Petersburg».
Бумага офсетная. Усл.-печ. л. 2,92.
Уч.-изд. л. 2,52. Тираж 600 экз.

Издательство «Книги»
603057, Нижний Новгород, ул. Бекетова, 24/2.
Тел. (831) 412-16-04

Отпечатано в типографии
Приволжского филиала ГЦСИ